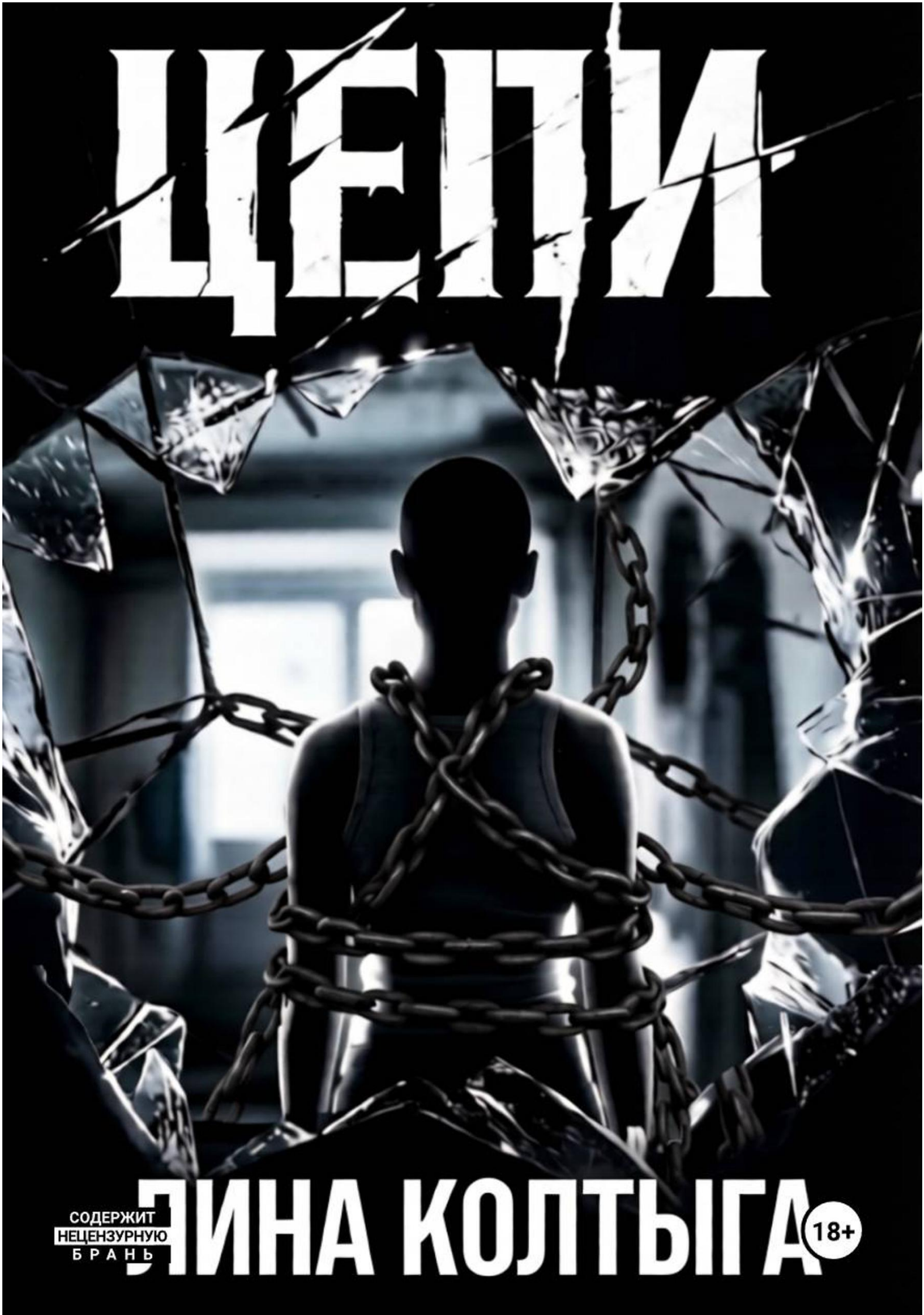
ЦЕПИ



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ЭЛИНА КОЛТЫГА

18+

Озарение

Лина Колтыга

Цепи

«Автор»
2026

Колтыга Л.

Цепи / Л. Колтыга — «Автор», 2026 — (Озарение)

Ника с детства училась выживать в жестоком мире, где за неё никто не заступался. Хоть какой-то контроль над своей жизнью она пытается вернуть через науку: разрабатывает препарат, который должен подавлять патологическую агрессию. Но всё идёт совсем не так, как она рассчитывала. Лекарство срабатывает непредсказуемо. История Ники — это путь от вынужденного отключения эмпатии к её болезненному возвращению. Препарат перестраивает нейронные сязи и запускает внутренний распад: героиня начинает видеть мир совсем иначе, а потом и вовсе теряет связь с реальностью.Что страшнее: поступки, совершённые в отчаянии, или готовность оправдать их справедливостью? Это история о том, как травма сдвигает моральные границы и как трудно отличить справедливое возмездие от разрушительной ярости.

© Колтыга Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Лина Колтыга
Цепи

Глава 1

В голове бил набат. Постепенно звон в ушах стих. Окончательно придя в себя, я поняла, что кто-то настойчиво стучит в дверь. Тело было липким от пота, а простыня сбилась. Я села в кровати, с трудом отлепившись от Моти, который даже не шелохнулся, лишь что-то промычал. Стук повторился.

– Сейчас! – прохрипела я, фокусируя взгляд на своих чёрных от грязи ногах.

Еле выпутавшись из простыни, я с трудом доковыляла до двери. Щёлкнул замок. На пороге стоял сосед из секции напротив с мусорным пакетом в руках. Он мазнул взглядом по моей помятой фигуре, потом посмотрел на кровать за моей спиной, моментально оценив ситуацию.

– Ой… Прости, Ника, – быстро пробормотал он и попытался сдать назад, но зацепился пакетом за косяк.

– Позже зайди, – рявкнула я.

Захлопнув дверь прямо перед его носом, я повернулась и окинула комнату взглядом: соседняя кровать была идеально заправлена.

– Какого чёрта мы опять в одной постели? Место же вон свободное, – пробурчала я, усаживаясь на покрывало, разостланное без единой складочки.

– Привычка – дело такое, – раздался хриплый бас Моти. Он приподнялся на локте, почёсывая татуированный живот. – А ты в курсе, что вся общага уверена, что мы трахаемся?

– Плевать, – отрезала я и, закинув ногу на колено, попыталась рассмотреть стопу. – А я что, опять босиком ходила?

– Ага. – хохотнул он, откидываясь на подушку. – Впрочем, как обычно.

– Да уж… Кстати, а где мои кеды? – спросила я, пытаясь найти их взглядом.

Мотя перевернулся на бок и кинул взгляд под стол, попутно пытаясь пятернёй расчесать колтун на затылке.

– Они там.

Я осмотрелась: сумка и телефон на месте. Всё нормально. Снова посмотрела на свои грязные стопы. Земля въелась под ногти так, словно я вчера полола картошку.

– Я в душ. Полотенце закинь, – попросила я Мотю и, не дожидаясь ответа, выскользнула из комнаты.

Напор воды был минимальный. Подставив лицо под вялые струи, я услышала, как шторка отодвинулась. Я развернулась так резко, что едва сохранила равновесие на скользком полу. В проёме нарисовался Мотя: опираясь плечом о влажный кафель, он беспардонно меня разглядывал.

– Бампер у тебя, конечно, зачётный. Хотя грудь маловата для такого зада, – философски протянул он.

– Иди отсюда, – прошипела я и запульнула в него куском мыла.

Он легко поймал его одной рукой, подкинул на ладони и заржал, выходя вон.

Смыв липкий пот, я кое-как отмыла ноги, а затем завернулась в полотенце. Протёрла ладонью запотевшее маленькое зеркало и посмотрела на себя.

– Мотя, принеси машинку! – крикнула я, приоткрывая дверь. – Мотя!

– Да, слышу! Сейчас, – отозвался он, а через несколько секунд появился в душевой.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Опять под ноль? – Мотя поморщился. – Тебе не идёт. У женщины должны быть волосы. Длинные. Чтобы было за что ухватить.

Я непроизвольно вздрогнула.

– Напомни, почему я тебя терплю?

– Ну, понятное дело, потому что я великолепен, – хохотнул Мотя, а когда я скорчила гримасу, добавил: – Может, потому что я тебе партаки на халяву бью?

– Не на халяву, а за пиво, – поправила я.

– Это одно и то же, – парировал Мотя и оставил меня в одиночестве.

Я включила машинку. Под ровное жужжание я смотрела в заляпанное зубной пастой зеркало на своё отражение, и словно видела прежнюю себя, ту, которую потеряла много лет назад.

***

Когда я делала уроки, дверь в мою комнату открылась с лёгким скрипом. Обернувшись, я увидела на пороге маминого мужа.

– Можно войти?

Я кивнула, выжидающе глядя на дядю Пашу. Вот уже три года он жил с нами, и у нас сложились нейтральные отношения. Сейчас он выглядел непривычно: нелепые движения и странный блеск в глазах. Он неуверенно вошёл и прикрыл за собой дверь.

– Присяду? – спросил он, бросив взгляд на стул, на спинке которого висела моя одежда.

Я опять кивнула, не понимая, что происходит. Дядя Паша убрал вещи на кровать, взял стул и поставил рядом с моим.

– Хотел с тобой поговорить, пока мамы нет, – сказал он, и я почувствовала запах алкоголя.

– О чём? – спросила я, не ожидая подвоха.

Дядя Паша мялся, и в этой паузе я почувствовала необъяснимую тревогу.

– Что-то случилось? – спросила я, решившись нарушить тишину.

– У тебя есть парень? – огорошил меня он.

Я смущённо застыла и моментально отвела взгляд.

– Значит, нет, – утвердительно сказал дядя Паша и, выждав несколько секунд моего молчания, продолжил: – Ну, это и понятно. С твоей внешностью рассчитывать на бешеную популярность не стоит. – Он хитро подмигнул. – Но я могу тебе помочь. Хочешь?

Мне не хотелось. Единственным желанием было поскорее закончить этот разговор, но он напирал, как бульдозер.

– Раньше в тринадцать лет девки уже были глубоко замужем и детей рожали.

Я нервно сглотнула, не зная, что ответить. Этот разговор меня пугал. И дядя Паша меня пугал.

– Мне уроки нужно делать, – попыталась я свернуть неприятную для меня тему.

Он лишь усмехнулся.

– Бабе не нужно быть умной. Главное – удачно выйти замуж. А для этого надо обладать определёнными навыками. Так что подождёшь с уроками, – сказал он и придвинулся ближе, так что его колено коснулось моего. Он почти навис надо мной. – У тебя уже было? – спросил он.

– Что было? – я в недоумении уставилась на него.

– Ну, шпили-вили. Туда-сюда. – Он будто выплюнул эти фразы, а после большим и указательным пальцем вытер уголки рта.

Ладони моментально вспотели, в виске стучало, я сгорала от стыда и быстро отвернулась.

– Да ладно тебе, я ж не мамка. Мне можешь сказать.

Пауза затягивалась. Я, жутко стесняясь, чтобы наконец прекратить это, еле выдавила из себя:

– Нет.

Дядя Паша хмыкнул и отстранился, откинувшись на спинку стула, а я в этот момент едва сдержалась, чтобы не выдохнуть от облегчения.

– Так ты девственница, что ли?

Я уткнулась в тетрадки, но буквально затылком чувствовала, как он прожигает меня взглядом.

– Так девственница? – настаивал он.

– Да, – коротко ответила я, пялясь в стопку учебников.

Он развернул меня к себе.

– Да брось ты, чего стесняться? Кто тебе подскажет и научит, как не близкие люди? Мы же близкие?

От растерянности я быстро кивнула. Мой жест воодушевил дядю Пашу.

– Хочешь, научу, как можно сделать приятно мужчине, даже если ты девственница? – спросил он и, видя моё сомнение, быстро добавил: – Метод рабочий на сто процентов!

Я внутренне выдохнула: похоже, тема плавно перешла во что-то нейтральное.

– Хочешь? – уточнил он.

– Хочу, – ответ вырвался сам.

Я просто надеялась, что этот разговор наконец закончится, и он уйдёт. Дядя Паша оживился, буквально взлетел со стула и развернул моё кресло к себе.

– Ника? – позвал он.

Я смотрела на него снизу вверх, пока он наматывал мои волосы на кулак.

Всё длилось невыносимо долго. В процессе я сползла с кресла на колени. Не могла дышать, слёзы непроизвольно катились градом. Когда всё закончилось, я упала на четвереньки, и меня вырвало. Пока я сотрясалась от спазмов, дядя Паша невозмутимо сказал:

– Ничего страшного. Просто нужна практика. Иди умойся. А потом здесь прибери.

А когда я покорно поднялась и на ватных ногах побрела в ванную, уже у дверей он меня остановил фразой, брошенной в спину:

– И не вздумай матери рассказать. Это наш с тобой секрет.

Я не обернулась. Боялась, что если посмотрю ему в лицо, то просто умру от стыда. Лишь коротко кивнула, чувствуя во рту привкус сырых грибов и крови из разбитой губы. А потом попыталась открыть дверь, но она никак не поддавалась; я механически дёргала ручку раз за разом, пока не услышала спокойный голос дяди Паши:

– В другую сторону попробуй.

Я замерла на секунду, а потом сделала, как он сказал. Дверь открылась, и я пулей выскочила из комнаты.

***

– Эй, ты что, уснула? – Мотя пытался перекричать гудение машинки.

– Что? – испуганно отозвалась я, нажимая на кнопку выключения, и обернулась.

– В курсе, что ты очень странная? – упираясь руками в дверной косяк, Мотя завёл старую песню о главном. – Мне иногда кажется, что ты робот.

– А?

– Ну зависаешь посреди разговора или не реагируешь, когда тебя зовут.

– Просто задумалась, – отмахнулась я, вновь включая машинку и приступая к стрижке.

– Ты под солдата Джейн косишь? – насмешливо уточнил он, щурясь от летящей мелкой крошки остриженных волос.

Я выключила аппарат и развернулась к нему всем корпусом.

– Слушай, чего тебе надо? Ты не устал ещё меня критиковать? То зад не такой, то грудь...

– С задом у тебя всё нормально, и с грудью тоже. Просто её чуть увеличить можно было бы.

– Мозг тебе увеличить нужно, – фыркнула я. – Задолбал уже. Тебя послушать, так всё во мне не так.

Мотя закатил глаза, обречённо цокнул, сложив в замок руки на груди, а затем шумно выдохнул.

– Да норм у тебя всё. Плечи, правда, шире моих.

– Ну я же не виновата, что ты полтора метра в прыжке, – расхохоталась я.

Он даже бровью не повёл и не среагировал на подкол.

– Нет, ну правда. Просто интересно, что с тобой не так. Джинсы, майка, причёска под ноль. Ты же женщина...

– Мотя, я человек, – перебила я поток сознания приятеля. – Так ты чего зашёл?

– А! Да там тебе Аня названивает!

– Аня... – я хмыкнула. – Для тебя Анна Валерьевна так-то.

– Я уже не студент так-то, – скривившись, передразнил меня он.

– Иди уже, – я мотнула головой в сторону выхода. — Хотя погоди... Подровняй антенны на затылке.

Мотя ловко перехватил машинку. Холодное лезвие прошлось по коже за ушами. Он обрил всю мою голову буквально за пару минут.

– Можешь не благодарить. А то провошкалась бы ещё час, – сказал он и покинул душевую, стряхивая волоски с плеча.

Я провела рукой по колючему ёжику и посмотрела в зеркало. Без волос лицо казалось открытым до неприличия. Спасала внешность серой мыши и солнцезащитные очки на пол-лица, с которыми я практически не расставалась.

Вернувшись в комнату, я первым делом натянула широкую Мотину футболку, воняющую табаком, а потом набрала номер Ани. Мы познакомились ещё в годы моего студенчества. Она преподавала физиологию и была старше всего на десять лет. Постепенно мы сблизились.

– Привет! – выпалила Аня.

– Привет, – ответила я, падая спиной на кровать. – Что-то случилось? Пять пропущенных.

– Ага, случилось. Выручай! Сходи со мной на свидание!

Выдержав театральную паузу, я нарочито вкрадчивым голосом, едва сдерживая смех, протянула:

– Аня, ты мне, конечно, симпатична, но свидание – это как-то слишком…

– Ника, хорош дурочку включать! Я серьёзно.

– На кой я тебе там сдалась? – удивилась я, наблюдая, как Мотя роется в шкафу.

– Егор предложил встретиться вчетвером: он с другом, я с подругой.

– Зачем? – уточнила я.

– Не знаю… Может, он не готов к встрече тет-а-тет, – растерянно пробормотала Аня.

– Ну я не самый лучший вариант для такого, – усмехнулась я. – Да и не люблю я этого, ты же знаешь.

– Знаю, но все срочно занятые. Ника, выручай!

Я замешкалась. Мотя замер у шкафа, вопросительно вскинув бровь.

– Ладно, – наконец решилась я. – Но на пару часиков, не больше. Куда подъехать?

– В летник у «Кристалла» к трём часам.

– Принято.

– Спасибо-спасибо-спасибо! – радостно протараторила Аня и отключилась.

Я бросила телефон на кровать и раскинула руки.

– Ну и куда ты собралась? – спросил Мотя.

– Аня на двойное свидание попросила с ней сходить. Есть полтинник на проезд?

Мотя как-то внезапно сник и замолчал. Я рывком приняла сидячее положение, поджав под себя босые ноги.

– Ты чего? – Он шумно сглотнул так, что кадык судорожно дёрнулся вверх-вниз, и, не поднимая на меня взгляда, тихо произнёс:

– Надо поговорить.

Внезапно я почувствовала озноб, несмотря на духоту комнаты. Резко стало неуютно. Тон Моти не сулил ничего хорошего.

– Ну, говори...

Он тяжело опустился на соседнюю кровать. Панцирная сетка под его весом жалобно скрипнула.

– Я домой уезжаю.

Всего на мгновение у меня сдавило горло. Сглотнув, я медленно спустила ноги на пол.

– С чего такое внезапное решение?

Мотя отвёл взгляд.

– Я билет ещё месяц назад взял.

Я резко вскочила, подошла к окну и машинально скрестила руки на груди, словно закрываясь от полученной информации.

– И когда поезд?

– Послезавтра.

Мысли путались, никак не удавалось сфокусироваться на чём-то конкретном.

– Ты насовсем уезжаешь? – спросила я, глядя, как на ветке берёзы, растущей за окном, маленькая птичка тщательно чистит свои пёрышки.

– Думаю, да.

Я поймала себя на том, что нервно кусаю внутреннюю сторону губы до привкуса крови.

– Ладно. А почему сразу не сказал?

Мотя словно ждал этого вопроса и начал быстро объясняться:

– Я несколько раз пытался, но тебе вечно не до этого было…

Действительно, в памяти всплыли эти попытки, но я сначала писала несколько дипломных работ, Мотину в том числе, а потом на меня начали сыпаться неприятности, и правда было не до разговоров.

Я разглядывала пейзаж за окном, пытаясь понять, что чувствую, пытаясь засечь внутри хоть какую-то эмоцию. Единственная мысль, которая вызвала реальный дискомфорт, – потеря удобной локации для хранения вещей. Привычный ритм летел в тартарары. Нужно искать новое место, деньги.

И тут меня накрыло пониманием: я совершенно не расстроена тем, что больше не увижу Мотю.

– Ну хорошо, – я пожала плечами, выходя из ступора, и развернулась к приятелю. – Так есть полтинник?

Он растерянно смотрел на меня взглядом брошенного щенка.

– Ты что, всё-таки поедешь?

– Конечно, я же пообещала.

– А я?

– А ты собирай вещи, – сказала я и похлопала его по плечу.

Мотя сидел, уставившись в одну точку на полу, сцепив пальцы в замок. В его позе читалась вселенская тоска.

Я хмыкнула, но это обречённое страдание давило так, что я не выдержала и, стараясь, чтобы голос звучал небрежно, предложила:

– Ну или поехали со мной. Тусанём в последний раз.

– Ты думаешь, это уместно? – он поднял на меня глаза.

– Вообще похер, – заверила я.

Он вдруг сорвался с места и сгрёб меня в объятия, крепко прижав к себе. От него нестерпимо несло потом.

– Фу, Мотя, ты весь липкий, – выдохнула я, легонько упираясь ладонями ему в грудь, чтобы отстраниться.

Он ухмыльнулся, отпустил меня, схватил полотенце, которым ещё недавно вытерлась я, и скрылся из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Пока Мотя полоскался в душе, я достала из своей спортивной сумки одежду: чистые трусы, тонкие джинсы цвета хаки и бесформенную серую майку. Быстро натянула всё на тело.

К моменту, когда приятель появился в комнате – в полотенце, намотанном на бёдра, – я была полностью готова и со скучающим видом наблюдала за суетой, которую наводил Мотя. К счастью, он был из тех людей, кто надевал первое, что вываливалось из шкафа.

Для надёжности он понюхал футболку, скорчил гримасу, закинул её вглубь и схватил следующую попавшуюся под руку. На этот раз запах вещи его удовлетворил. Он сцапал со стула шорты, покрутил их, визуально оценивая чистоту, и быстро оделся.

– А трусы не забыл? – со смехом уточнила я.

– Долго искать, – отмахнулся Мотя, напяливая кроссовки.

– Всё, погнали!

Перед выходом я нацепила тёмные очки. Их стёкла закрывали половину лица, пряча его от посторонних взглядов, и от этого становилось спокойнее.

Автобус тащился, раскалённый, как жестяная банка на солнце. Я от нечего делать разглядывала изнывающих от жары людей.

Первой позвонила Ирка с ветколледжа.

– Ника, ты в городе?

– В городе.

– Пересечёмся?

– Давай! – согласилась я. – Подтягивайся к «Кристаллу».

Следом – Димас с факультета. Потом Светка с ветклиники в Нефтах, где я проходила преддипломную практику. Потом Пашка, которого я вообще не ожидала услышать: он пропал после четвёртого курса, и тут вдруг объявился.

Мотя покосился на меня с соседнего сиденья.

– У тебя горячая линия сегодня?

– Просто очередная суббота, – усмехнулась я.

Свидание обещало быть интересным.

Телефон звонил ещё дважды, пока мы добирались до пункта назначения, и каждому я говорила одно и то же.

Глава 2

В пять минут четвёртого мы зашли в кафе.

Аня, коротавшая время в компании двух мужчин, при виде меня тут же вскочила и поспешила навстречу.

– А он что тут делает? – вместо приветствия спросила она, кивком указывая на Мотю.

– Да он не помешает, посидит за соседним столиком, пока остальные не подтянутся, – беспечно ответила я.

– Какие ещё остальные? – Аня явно была недовольна.

– Да забей, – махнула я рукой. – Они сами по себе, мы сами по себе.

– Соловьёва, я так и знала, что ты какую-нибудь херню отчебучишь.

– Мне уйти? – насмешливо спросила я, стряхивая очки на кончик носа и хитро глядя на неё поверх стёкол.

– Пошли! – рявкнула она и, схватив за руку, потащила меня к столику.

Мотя телепался следом.

– Это моя подруга Ника, – представила меня Аня, как только мы подошли к столу.

Мужчины галантно встали.

– Это Андрей, – указала Аня на мужчину рядом со мной и перевела взгляд на второго. – А это Егор.

Меня усадили рядом с Андреем – лысым мужчиной лет тридцати пяти в бежевом льняном костюме. Его голова напоминала гладкий бильярдный шар из-за почти прозрачных ресниц и светлых бровей, нависающих над белёсыми глазами.

Напротив, рядом с Аней, сидел Егор – мужчина поинтереснее: жгучий брюнет с уложенными волосами и аккуратно подстриженной бородой, одетый в тёмную рубашку и белоснежные брюки.

Сама Аня блистала. Завитки забавно пружинили при каждом наклоне головы, благодаря грамотному макияжу лицо сияло, и она выглядела лет на двадцать пять. Нас легко было принять за ровесниц.

Похоже, нам с соседом на этой встрече отводилась роль «некрасивых подружек».

Мотя взял стул с соседнего столика, развернул его и оседлал, как коня, сложив руки на спинке. Оказавшись к нам спиной, он уставился на экран телевизора, установленного в зале, по которому транслировался музыкальный канал.

Андрей повернулся и заговорщическим жестом слегка ко мне наклонился. Я невольно последовала его примеру, и наши лица оказались в непосредственной близости.

– Ты всегда на свидания с телохранителем ходишь? – шёпотом спросил он, переводя взгляд на скучающего Мотю.

Я не удержалась и рассмеялась.

– Это Матвей, мой друг. У него здесь тоже встреча, только немного позже, – пояснила я.

Андрей улыбнулся и, проведя ладонью по лысине, сказал:

– А у нас с тобой, выходит, есть что-то общее.

– О да, – хмыкнула я.

После обмена этими репликами я немного расслабилась и сняла очки, повесив их на ворот майки.

Поначалу разговор не клеился: сыпались дежурные вопросы, летели формальные ответы. Я то и дело отвлекалась, кивая знакомым, которые появлялись в кафе.

Но в конечном итоге кто-то предложил сдвинуть столы, и тогда гулянка вышла на новый уровень. Зазвучали забавные истории нашего знакомства, смешные тосты. Вино лилось рекой, мы танцевали, пели, хохотали в голос.

Время от времени мой взгляд натыкался на недовольное лицо Ани, казалось, я испортила ей свидание. Но спустя пару часов они с Егором куда-то пропали — и я даже подумала, что, возможно, наоборот, своей выходкой оказала ей услугу.

К полуночи в кафе осталась только наша компания. Персонал начал деликатно намекать, что пора закругляться: погасили верхний свет, убавили музыку до минимума, а официантка демонстративно положила на стол счёт.

Кто-то предложил продолжить на пляже. Идею подхватили.

Мы собрали со столов всё, что ещё оставалось, и весёлой гурьбой вывалились на проспект. До берега шли минут пятнадцать, горланя по дороге песни и распугивая поздних прохожих.

А потом долго разводили костёр. Когда пламя разгорелось и осветило лица, расселись кто где. Теперь разговоры пошли неспешные, душевные, с паузами и тихим смехом.

— Я тебе нравлюсь? — прищурившись, спросил новый знакомый, чьё имя я уже успела забыть.

Безумно хотелось сказать правду, что всё мне в нём отвратительно. Начиная с внешности, которая напоминала Фантомаса, заканчивая дебильными ужимками и привычкой оттопыривать мизинец, когда он брал бокал. Но от него не несло опасностью. Он был предсказуем.

Навалившиеся проблемы создавали нервное напряжение, как бы я ни старалась отрицать этот факт. Тело требовало разрядки.

Я молча подвинулась к нему ближе, взяла из его рук бутылку и сделала глоток, потом поднялась и протянула ему руку.

– Пойдём.

– Куда? – спросил он.

– Грибы собирать! – раздражённо ответила я.

И, видя, что он открыл рот, видимо, чтобы задать следующий вопрос, с нажимом добавила:

– Пошли.

На этот раз он молча взял мою руку, и я повела его вдоль берега.

Увидев подобие природной беседки, образованное прибрежными ивами, я потянула нового знакомого туда.

Скинула одежду, а потом толкнула его, а когда он завалился на спину, быстро расстегнула ширинку и запрыгнула сверху.

– Воу-воу, красавица, полегче, – сказал он срывающимся от сбитого дыхания голосом.

– Заткнись.

Для надёжности я закрыла его рот двумя ладонями, ускоряя ритм.

Через пару минут тело выгнулось, и по нему прокатились волны спазма. Я остановилась, тяжело дыша, а он перевернул меня на спину, пытаясь поцеловать в шею.

Я пресекла эти попытки, и остальное время молча лежала, позволяя ему закончить.

Наконец он замер и обмяк.

– Тебе не тяжело? – прошептал он мне прямо в ухо.

Ничего не ответив, я молча спихнула его с себя и растянулась на песке.

Он перевернулся на бок, подперев голову рукой, согнутой в локте.

– Первый раз вижу, чтобы женщина кончала молча, – сказал он и, не дождавшись от меня реплики, решил сменить тему: – Ты очень красивая. У тебя такое юное лицо.

Я только хмыкнула, глядя на рябь у берега.

– Просто алкоголь расслабил мышцы.

Он скользнул взглядом ниже, задержался на изгибах, потом снова поднял глаза.

– И тело шикарное. А что значат все эти татуировки?

– Ничего. Просто рисунки.

Он не отвёл взгляда, изучающе разглядывая меня в предрассветном сумраке.

– Ящерица, змея, дракон... Странный набор живности для девушки.

– Рептилии не способны на переживания.

– Ты тоже такой хочешь стать?

– Уже такая, – тихо ответила я и поднялась с песка, подхватывая свои трусы.

– А бабочка на спине? – не сдавался он. – Как-то не вяжется с остальным зоопарком. Она что значит?

Я уже шагала к реке, чувствуя, как ступни увязают в песке.

– Ничего она не значит, – бросила я через плечо, не оборачиваясь. – Забери мою одежду.

Вода показалась неожиданно холодной, когда я вошла по щиколотку, но этот холод принёс облегчение. Я быстро нырнула, немного побулькалась, под водой надела трусы и направилась к берегу, к компании.

Навстречу бежал Мотя с майкой в руках и, поравнявшись со мной, начал быстро натягивать её на меня.

– Ты молодец, конечно. Титьками перед всеми светанула.

– Ты же своими светишь.

– Сравнила бычью шею с северным сиянием, – продолжал возмущаться он.

– А в чём разница? У нас почти один размер! – я не сдержала смех.

– Да ну тебя! – Мотя обиженно развернулся и быстрым шагом пошёл к компании.

– Ты ещё скажи: «Дома поговорим», – продолжая смеяться, крикнула я ему в спину.

Мотя, не оборачиваясь, раздражённо махнул рукой.

Я пошла следом.

Мой случайный «друг» уже был там и, увидев меня, тут же обвил рукой за талию, отведя в сторонку. Даже через ткань я почувствовала, насколько горячая его ладонь.

– Мы ещё увидимся?

Я внимательно на него смотрела и улыбалась, чувствуя, как от этой натянутой улыбки у меня уже начинала ныть скула.

– У тебя есть деньги? Мне нужно на проезд.

Он меня отпустил и суетливо полез в карман брюк. Достав бумажник, он открыл его, а я бесцеремонно в него заглянула и ловко выудила пятитысячную купюру, сложив её пополам пальцами.

– Этого хватит. Спасибо, – сказала я, отступая на шаг назад.

– Так мы увидимся?

– Нет.

– Почему?

– А зачем? – я обернулась на секунду, разведя руки в стороны и пожимая плечами, и, не ожидая очередного вопроса, вернулась к нашей поляне.

Мотя сидел на корточках, швыряя мелкие камешки в реку.

– Пойдём отсюда? – предложила я, натягивая джинсы.

Он всё ещё продолжал дуться – это читалось по его позе и выражению лица, – но согласно кивнул.

Я схватила кеды, и мы тихонечко слиняли через тропинку в прибрежных зарослях. Потом поднялись на мост и спокойно вышли на магистраль.

– Давай погуляем? – предложил Мотя, засунув руки в карманы шорт. – Сейчас кайфово. Днём опять жара будет.

В четыре утра воздух дышал прохладой и свежестью.

– Давай, – согласилась я.

– Обуться не хочешь? – Мотя посмотрел на кеды в моих руках.

– Нет. Почему-то мне приятно ходить босиком, – улыбнулась я.

– А может, просто тапки маловаты? – подмигнул Мотя.

Я расхохоталась.

– Чего бы ты понимал! Это связь с землёй!

– Ага, только эта связь активируется только по синей лавочке, – хмыкнул он, а потом забрал из моих рук кеды, связал их за шнурки и повесил себе на шею.

Мы молча шли какое-то время.

Наконец Мотя прервал паузу, пнув пустую алюминиевую банку из-под энергетика.

– Я всё равно не понимаю, почему ты трахаешься с какими-то левыми чуваками? – в его тоне сквозила смесь непонимания и раздражения.

– Потому что у женщин есть период овуляции. Это когда гормоны диктуют свои правила...

– Да я не об этом, – прервал он мой ликбез. – Можно же найти кого-то на постоянку.

– Я не хочу отношений.

– Почему?

– Не хочу ни к кому привязываться.

– Ну можно же и без отношений. Почему ты меня никогда в этом качестве не рассматривала?

Я остановилась и удивлённо уставилась на него.

– Элементарно, Ватсон, потому что ты друг! С друзьями не спят!

– А по мне, самая лучшая подруга – это та, которую иногда можно пошпиндехорить.

Я усмехнулась, скрестив руки на груди.

– Ты сейчас серьёзно?

– Конечно! Почему нет? – его интонация выражала искреннее непонимание.

– Потому что у меня на тебя не встанет.

– А я что, такой омерзительный?

– Нет, Мотя, ты офигенный. В этом и проблема. Короче, не парь меня, всё это сложно объяснить. Да и какая теперь разница? Ты ведь всё равно завтра уезжаешь, – сказала я и помахала рукой над головой, имитируя прощальный жест.

Он остановился. Взял меня за ладонь, сцепив мою кисть в замок со своей.

– Хочешь, я останусь?

Мы несколько секунд смотрели друг другу в глаза. Меня всегда раздражали вопросы такого толка. Обычная манипуляция и перекладывание ответственности. Случись что, всегда можно сказать: «Я сделал это, потому что ты так хотела». У меня не было желания стать рычагом, с помощью которого удобно оправдывать свои решения.

– Не хочу, – отдёрнув руку, ответила я и вновь двинулась вдоль магистрали по тротуару.

– Всё ясно, – мне в спину крикнул Мотя.

Я резко развернулась.

– Ну и что тебе ясно? Ты же знаешь, в какой я сейчас жопе, а паришь меня какой-то чепухой.

Он быстро поравнялся со мной так, что мы оказались друг напротив друга.

– Да что на этой лабе свет клином сошёлся? Устроишься в другую.

Я фыркнула.

– Мотя, вероятнее всего, я присяду в ближайшее время лет на десять.

– Чего? – он непонимающе уставился на меня.

– Того! За растрату государственных средств. Да и за несертифицированную разработку препарата меня, скорее всего, уволят с волчьим билетом.

– Какую ещё растрату?!

– Похоже, Сутулый решил под шумок повесить на меня свои махинации.

Заведующего университетской лаборатории, где я работала, а Мотя между парами калымил на полставки, звали Сутулый Евгений Борисович. Высокий, тощий дядька предпенсионного возраста, с длинной вытянутой вперёд шеей и безвольно обвисшими плечами. В профиль он был похож на знак вопроса. Его фамилия подходила ему идеально, персоналу даже не пришлось придумывать прозвище. Именно он курировал все проекты. И именно его печать, судя по всему, сейчас стоит на липовых отчётах, где недостача оформляется как моя личная инициатива.

– Какие махинации? – ошалело уточнил Мотя.

– Я точно не знаю, но, похоже, наша лаборатория получила грант на исследования, а он через фирмы-однодневки типа закупил оборудование.

– А ты тут причём?

– А при том, Мотя, что на накладных моя подпись, как будто я приняла это оборудование. Но по факту его нет и денег тоже. Не удивлюсь, если и заказ оформлен через мой рабочий компьютер.

– Подожди, но откуда там твоя подпись? – Мотя явно не догонял сути.

– Понятия не имею. Мне сейчас деньги нужно искать на адвоката и экспертизу. А там ещё и неучтённые прекурсоры, которые я за свой счёт покупала. Может, и за это встряну.

Он растерянно молчал.

– Теперь ясно, почему тебя таскали по допросам, – наконец выдал он. – Я не думал, что всё настолько серьёзно.

– Серьёзнее некуда. Так что вали по холодку, пока в соучастники тебя не записали, – выпалила я.

Мотя подавленно замолчал.

Не проронив ни слова, мы прошли ещё остановку.

Увидев круглосуточную точку питания, я мотнула головой в её сторону.

– Пошли пожрём?

– У меня денег только на автобус до вокзала, – виновато сказал Мотя.

– Угощаю, студент, – хмыкнула я, доставая купюру из заднего кармана джинсов.

У Моти глаза на лоб полезли.

– Ты что, за секс деньги взяла?

– Дурак, что ли? – я отвесила ему подзатыльник. – На проезд одолжила.

Он цокнул, сжал губы и осуждающе помотал головой, но двинулся вслед за мной.

Через десять минут мы сидели на остановке и поглощали хот-доги, запивая тёплым лимонадом прямо из горлышка.

– В тюрьме буду скучать по фаст-фуду, – с набитым ртом сказала я.

– Да может всё утрясётся? – предположил Мотя.

– Может, – согласилась я, делая большой глоток из бутылки. – Если денег на экспертизу найду.

Моте явно было неуютно, и я его понимала. Такое чувство возникает, когда ты ничем не можешь помочь, а просто смотришь, как человек вязнет в своих проблемах.

– Давай замнём эту тему, – предложила я.

– Мне просто непонятно, почему ты такая спокойная? – Он повернулся, выжидающе глядя на меня.

Прожевав, я ответила, заглянув ему в глаза:

– Истерика что-то решит?

Мотя отвернулся.

– Мне жаль только разработки. Не успела их вынести. Все документы забрали на время расследования. Хорошо хоть последний образец успела зашкерить.

– Это тот, который показал результат?

– Ага.

– А зачем тебе этот препарат?

Рука с зажатой в ней булкой самопроизвольно опустилась. Аппетит мгновенно испарился, а горло привычно сжалось на мгновение.

– Для мамы, – хрипло ответила я.

– Она больна? – уточнил Мотя.

– Да. Болезнь вынуждала её такую дичь выстёгивать, ты даже не представляешь.

– Например? – спросил он, не сумев скрыть откровенное любопытство.

Я вздохнула, мысленно перенесясь в прошлое.

***

Родители опять ругались. Я тихо приоткрыла дверь.

– Нина, давай по-хорошему договоримся. Ты ничего не добьёшься своими истериками.

Папа пытался сохранять спокойствие.

– Ах, по-хорошему захотел? Нет уж, дорогой мой, ты хлебнёшь по полной! – голос матери срывался на визг.

Я осторожно вышла из комнаты и медленно, короткими шагами направилась на голоса.

Родители были на кухне.

– Я по закону имею право на половину совместно нажитого имущества. Понимаешь?

– Ничего ты не получишь! Никакого развода не будет! Понял?!

– Я всё равно не буду с тобой жить. Давай договоримся и спокойно разойдёмся. Зачем мучить друг друга?

– То есть это ты мучаешься? – мама кричала. – Тебя целыми днями дома нет. Я всё на себе тащу!

– Что ты тащишь? – папа выходил из себя. – Дома помойка, еды нормальной никогда нет. Ребёнок постоянно заброшенный!

– Я не хотела её рожать! Это же тебе ребёнок был нужен! Почему ты на меня все заботы о ней спихнул?

Я появилась на пороге как раз в момент этой фразы.

Родители мгновенно замолчали.

– Ника, ты чего? – отец подхватил меня на руки и прижал к себе.

– Почему вы ругаетесь? – еле сдерживая слёзы, спросила я.

– У папаши своего спроси! – рявкнула мама и вылетела из кухни.

Папа опустил меня на пол и присел на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Он взял мои ладони в свои.

– Ника, так бывает у взрослых.

– Ты больше не хочешь с нами жить? – спросила я, глядя ему прямо в глаза.

– Не с вами, а с мамой. Ты же моя принцесса, и я всегда буду рядом, слышишь? Всегда.

На кухню вновь влетела мама, держа в руках домашнюю крысу. Бросила разделочную доску на стол, выхватила нож.

Я успела увидеть, как блеснуло лезвие. Папа всегда следил за остротой ножей, регулярно их затачивая.

Отец быстро поднялся.

– Что ты творишь?

– Ну ты же хотел половину имущества, – сказала она и парой движений разрезала крысу пополам.

Кровь брызнула во все стороны.

Писк животного оглушил; я упала как подкошенная, не в силах отвести взгляд от мордочки.

Крыса ещё какое-то время пищала, хаотично перебирая лапками и вращая чёрными глазками-бусинками. Потом совсем ослабла, несколько раз дёрнулась и замерла.

Кровь стекала со стола, образуя лужу, которая стремительно растекалась по линолеуму.

Отец стоял в ступоре, не отрывая взгляда от лица матери.

Та стояла, гордо вскинув голову, в руке был зажат окровавленный нож.

Она взяла заднюю часть крысы и швырнула отцу в грудь.

– Держи свою половину, – невозмутимо сказала мама.

И, указав на меня ножом, спросила:

– Её тоже пополам будем делить?

Я хотела закричать, но изо рта вырвался набор коротких сиплых звуков. Из глаз хлынули слёзы. Горло сдавило, и никак не получалось вздохнуть; я хрипела, корчась на полу и раздирая шею ногтями.

Папа бросился ко мне, упал на колени, заслонив своим корпусом сцену на кухне. Передо мной уже не было того кошмара – я видела лишь папины глаза, полные слёз. Я ухватилась за его футболку, комкая ткань в кулаках.

Он взял моё лицо в свои ладони.

– Никуся, тише, моя девочка, тише. Дыши. Дыши! Всё хорошо, я рядом. Я обязательно тебя заберу. Слышишь? Я обязательно тебя заберу отсюда!

Цепляясь за его голос, доносившийся словно издалека, я выбиралась из тёмной бездны, куда меня медленно затягивало. Хрипы потихоньку стихали, дыхательный просвет понемногу открывался. Наконец мне удалось сделать судорожный вдох – грудь обожгло резкой болью.

Выдохнув, я тут же захлебнулась рыданиями, вцепившись в отца мёртвой хваткой. Я просто выла, выпуская из себя весь пережитый ужас.

– Нина, – услышала я глухой голос отца. – Тебе нужно лечиться.

***

Закончив свой рассказ, я повернулась к Моте.

Он глядел на меня широко раскрытыми глазами. Казалось, глазные яблоки вот-вот вывалятся из орбит.

– Капец... Ты никогда этого не рассказывала.

Я пожала плечами.

– Так ты и не спрашивал.

– Как ты это вывезла? – в его голосе сквозило искреннее недоумение.

Меня передёрнуло.

– Сама не знаю. Я тогда месяц спать не могла. Только глаза закрою – и сразу эта картина: крысиная мордочка, перекошенная от ужаса...

Я помолчала, подбирая слова, потому что и сама до конца не могла уложить это в голове.

– Это сложно объяснить. Но тогда мне казалось, что я чувствую её боль, будто это меня разрезали. Я физически ощущала страх перед тем, чего не можешь ни остановить, ни понять.

Мотя смотрел на меня, не перебивая, и в его взгляде читалось недоверие. Он искренне не понимал, как такое возможно.

– Только крыса чувствовала это мгновения, а во мне эти эмоции крутились круглосуточно. И самое страшное: я не управляла этим, не могла избавиться от этих ощущений.

Мы замолчали.

– А что отец? Он забрал тебя? – наконец отмер Мотя.

– Нет. Он ушёл. – Каждое слово давалось с огромным трудом. – И с этого дня я его больше не видела.

– В смысле?

– В коромысле.

Мотя поморщился, будто откусил лимон.

– А ты у матери спрашивала?

– Сначала спрашивала. Но каждый разговор об отце провоцировал приступ агрессии. И я перестала.

Взглянув на солнце, выглядывающее из-за крыш многоэтажек, я продолжила:

– Но очевидно, они развелись, раз мама снова вышла замуж.

– Как ты выжила с психопаткой? – допытывался Мотя, прихлопывая надоедливого комара.

– Она просто больна, – сказала я, в очередной раз пытаясь оправдать маму перед самой собой. – У меня есть смутные воспоминания, когда она была другой. А потом всё начало меняться: малейшая мелочь её выводила из себя.

– Чем она больна? – уточнил Мотя.

– Височная эпилепсия, – ответила я и, пресекая дальнейшие уточнения, пояснила: – У неё коротит правую долю. Из-за этого любой бытовой триггер запускает там лавинообразную электрическую активность. Жестокость – это не её суть, а просто замыкания в голове.

Мотя размышлял какое-то время.

– Всё равно жуть, – он криво улыбнулся. – Понимаю твоего отца, я бы тоже от такой бежал, роняя тапки.

Меня буквально подбросило с лавки. Горло сдавило так, что стало трудно дышать.

– Её лечить нужно было! А он сбежал, – задыхаясь, сказала я и сама удивилась, насколько холоден мой голос. – Он видел, на что она способна, и просто ушёл. Оставил меня с ней. Мне было всего семь лет, Мотя. Семь!

С отвращением посмотрев на остаток булки, я выбросила её в урну и пошла вперёд, почти срываясь на бег.

– Ну прости, брякнул не подумав, – догнав меня, выдохнул он извиняющимся тоном.

Я ничего не ответила.

Мотя тоже какое-то время молчал, тяжело сопя носом. Но вскоре он остановился, схватил меня за руку и развернул к себе.

– Стой! Но от эпилепсии же есть лекарства. Зачем придумывать велосипед?

Я вздохнула.

– Противосудорожные не решают проблему в принципе, а у неё ещё и резистентная форма, невосприимчивая к лечению, – пояснила я. – Нужен нейромодулятор направленного действия, который сможет восстановить нейроны, а не просто будет глушить вспышки.

– Последний образец решает проблему?

– Вроде да, – я неуверенно пожала плечами. – Но мне не хватило времени хорошенько протестить. Всего одна биопсия после месяца приёма – это слишком мало для выводов. Да и Найду теперь непонятно где искать.

Мотя рефлекторно почесал макушку.

– А другая собака не подойдёт?

Я устало глянула на него.

– Нужна не просто собака, а с эпилепсией. Да и в лабу доступ мне закрыт.

– И что ты будешь делать? – вкрадчиво спросил Мотя.

Я почувствовала, как внутри разливается волна глухой безысходности.

– Не знаю, – выдохнула я. – Забей.

Мотя отпустил мою руку, и до самой общаги мы больше не разговаривали.

Пока я умывалась и отмывала ноги, Мотя либо уснул, либо очень убедительно притворялся, не зная, как теперь себя вести со мной.

Мне было жаль, что в порыве минутной слабости я ему так много рассказала. Уехал бы спокойно, ничего не зная, а теперь и ему придётся с этим жить.

Обидно, что нельзя отмотать время назад.

Я тихонько устроилась на кровати напротив и долго ворочалась, пытаясь найти удобное положение. Но наконец я всё же провалилась в тревожную дрёму.

Глава 3

Проснулась я от равномерного жужжания. В горле пересохло, в голове шумело, а на душе было мерзко.

Мотя уже сидел на своей кровати, полностью одетый. Закинув ногу на ногу, он положил руку на колено и методично что-то выводил машинкой на запястье. Рядом на табуретке стояли баночки с красками, антисептик, вазелин и пищевая плёнка.

Шея затекла, и я непроизвольно шумно вздохнула, пытаясь принять более удобное положение.

– О, проснулась, – констатировал Мотя, не отрываясь от своего занятия.

– Что ты делаешь? – сонным голосом спросила я.

– Увековечиваю нашу дружбу, – ответил он, по-прежнему не поднимая на меня глаз. – Не хочу тебя забыть.

– Думала, на тебе уже места свободного не осталось, – подколола я его.

Мотя засмеялся, но не перестал работать машинкой.

– И что ты бьёшь? – уточнила я.

– Твоё имя.

Я мигом села в кровати. В глазах на секунду помутнело.

– Это глупо! – выпалила я. – Заведёшь себе девушку, потом оправдываться замучаешься.

Мотя наконец посмотрел на меня.

– Я так-то не тупой, всё продумано, – сказал он и повернул ко мне запястье. На коже красовалась надпись: «Nike».

Я шумно выдохнула и облегчённо откинулась обратно на подушку. В этих четырёх буквах случайный человек не увидит никакого особого смысла.

Мотя обработал татуировку, намазал вазелином и затянул пищевой плёнкой.

– Воды принести? – участливо спросил он.

– Не надо. Я сама. Умоюсь заодно.

Он кивнул и начал собирать в коробку принадлежности с табуретки, пока я, кряхтя, поднялась с кровати.

Мотя вёл себя так, будто вчера не было никакого разговора. Не пытался лезть под кожу, уточняя детали, и за это я была ему безмерно благодарна.

– У тебя есть сегодня какие-то дела? – спросил он, когда я вернулась в комнату.

– Нет, я свободна, как ветер.

– Чем тогда займёмся?

– Давай в магаз сгоняем, купим еды, чипсиков и сериальчик посмотрим? – не раздумывая предложила я. – Ну и в поезд тебе чего-нибудь пожевать возьмём.

– Да ну, – смутился Мотя. – У тебя самой последние деньги.

– Всё равно эти копейки меня не спасут. Пойдём! И будь что будет.

Он для вида сопротивлялся ещё минуту, потом согласно кивнул.

Мы затарились в ближайшем супермаркете, практически потратив все деньги. Мотя выбрал сериал, поставил ноутбук на стол, и мы уселись на одной кровати, подложив под спину подушки и опираясь о стену.

– Почему ты решил уехать? – спросила я. – Думала, ты в аспирантуру попробуешь. Вроде собирался же.

– Да какая мне аспирантура? Я и закончил-то только потому, что ты мне дипломную написала. – Мотя махнул рукой, открещиваясь от самой мысли о научной карьере.

Ну да, это я себе напридумывала вариант развития событий, при котором не пришлось бы ничего менять. Мотина аспирантура продлила бы его право на комнату в общаге.

– Думал, что будешь делать дальше? – поинтересовалась я.

– В Барнауле достаточно ветклиник. Уверен, без работы не останусь. – уверенно заявил он, почёсывая волосатую коленку.

– Ты же и здесь мог устроиться ветом.

– Ну это же жильё нужно снимать. А там хата от бабушки пустая... – Он на мгновение замер, словно на него снизошло озарение, а потом резко повернулся ко мне. – А поехали со мной?

Я смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или всерьёз.

– А, ну да... – спохватился Мотя, вспомнив о моих проблемах. – А ты что будешь делать?

– Не волнуйся за меня. Что-нибудь придумаю, – я постаралась улыбнуться. – С шестнадцати лет сама по себе. До сих пор же как-то выгребала.

Кажется, Мотю успокоил мой ответ. Он углубился в сюжет фильма. А меня незаметно память затянула в прошлое.

***

Мама сегодня осталась дома и не пошла на работу. Она лежала в гостиной с мокрым полотенцем на лице, закрывавшим лоб и глаза. Я не могла упустить шанс поговорить с ней наедине.

– Мама... – я запнулась, не зная, с чего начать.

– Что тебе? – она приподняла полотенце с глаз.

– Мне нужно с тобой поговорить. – Я присела на краешек дивана.

– Ты не видишь, что у меня голова болит? – раздражённо буркнула она.

Я почувствовала неловкость, но боялась, что если сейчас уйду, то больше не решусь на этот разговор.

– Давай только быстрее, – недовольно выпалила она и произнесла куда-то в пространство: – Не дадут помереть спокойно.

Я сидела ни жива ни мертва. Ладони взмокли, дыхание перехватило от сильного сердцебиения.

– Ты как будешь молчать? – лицо мамы исказила гримаса злости.

Набрав полные лёгкие воздуха, я выдохнула:

– Дядя Паша ходит ко мне по ночам...

Я тяжело дышала. А мама, отталкиваясь ногами и упираясь спиной в подлокотник, приняла сидячее положение, скинув полотенце.

– Зачем? – в её голосе сквозило удивление.

Раз за разом сглатывая тягучую слюну, я не могла решиться продолжить. Сердце заходилось от бешеного стука.

– Зачем?! – практически выкрикнула мама и, не получив ответа, схватила меня за плечи и начала трясти. – Зачем, я спрашиваю?!

Слёзы брызнули из глаз. Мама замерла, пристально всматриваясь в моё лицо, а потом размахнулась и влепила пощёчину. Голова мотнулась, в ухе зазвенело. Мне показалось, что я оглохла.

– Мерзавка! – заорала она, спихивая меня ногами с дивана.

Я не успела сгруппироваться и, не удержав равновесие, повалилась на пол.

– Я не хотела, – просипела я, поднимаясь на колени. – Он меня заставляет.

Мама вскочила с дивана, схватила меня за косу и потащила. Я чувствовала, как волосы вырываются вместе с корнями, и ползла за ней, перебирая коленями по линолеуму. Стоило мне только попробовать подняться, как она снова дёргала меня за волосы вниз, прижимая к полу. Она не реагировала на мои крики и волокла меня, как мешок с картошкой, не сбавляя шага.

На повороте в коридор я сильно ударилась лодыжкой о дверной косяк так, что потемнело в глазах.

Перед входной дверью она наконец остановилась. Нагнулась, вцепилась мне в ворот футболки и просто швырнула за порог, а потом захлопнула дверь.

На дрожащих ногах я поднялась, цепляясь за перила. Слёзы текли безостановочно, и я не понимала: от боли или обиды. Я бросилась и заколотила в дверь, но, когда реакции не последовало, прислонилась к стене напротив, сползла вниз, обхватив ноги руками, и уткнулась лицом в колени, чувствуя, как слёзы пропитывают ткань домашних штанов.

Через некоторое время послышался щелчок замка, мама вытащила на порог две клетчатые сумки. Сложив руки на груди, с гордо поднятой головой она смотрела мне прямо в глаза.

– С этого дня у меня нет дочери!

От её слов меня обдало холодом.

– Мама, послушай, пожалуйста! – рыдая, просила я.

– Заткнись, – сквозь зубы процедила она. – Лучше заткнись, пока я тебя не прибила.

– Но куда мне идти? – растерянно спросила я.

– Мне плевать, – зло бросила она.

Она схватила сумки и швырнула их в меня. Я не удержала равновесие, и они повалились на пол. Мама ногами отпихнула их и с силой захлопнула дверь. Потом снова открыла, и в меня полетели кроссовки.

Я так рассчитывала, что она мне поверит и защитит, а получила взбучку и лишилась дома. В этот момент мне хотелось только одного – умереть.

***

Громкий стук грубо нарушил течение мыслей, я с облегчением вынырнула из пучины воспоминаний.

– Открыто, – крикнул Мотя.

Дверь тихонько отворилась, и в комнату неуверенно вошёл сосед из соседней секции с мусорным мешком в руках.

– Жень, ты с ним вообще не расстаёшься? – вместо приветствия спросила я, переведя взгляд на пакет.

Несколько мгновений на его лице читалось непонимание, потом он, видимо, вспомнил вчерашнюю утреннюю встречу, и мимолётная улыбка тронула его лицо.

– Да нет! Второй день порядок в комнате навожу перед отъездом домой. По пути на мусорку решил зайти, деньги отдать. Вчера тебя так и не застал.

– Какие деньги? – удивилась я.

– За дипломную, – ответил он и, подойдя, сунул мне в руку сложенные купюры.

Я раскрыла их веером: ровно три штуки номиналом по пять тысяч.

– Очень кстати. Я уже и забыла.

Женя кивнул и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Ты совсем не ценишь свой труд, – поморщился Мотя.

– В смысле? – я повернулась и непонимающе на него взглянула.

– Ещё в прошлом году за дипломную минимум тридцатку брали.

– Ну так пиши и бери. В чём проблема? – парировала я с привычной язвительностью.

– А, ну да, я забыл. Ты же у нас мать Тереза.

– А ты новый герой Марвел – Человек-ворчун?

Он открыл рот, но, не найдя, что сказать, просто отвернулся и уставился в монитор ноутбука.

Я тоже попыталась углубиться в сюжет фильма. Но сериал не зацепил, и мысли меня затягивали в пучину проблем. Думать не хотелось, самым лучшим способом прекратить поток размышлений были действия.

– Слушай, – я потрясла Мотю за руку, – нам же тоже порядок в комнате навести нужно. И вещи ты ещё не собрал. Во сколько у тебя завтра поезд?

– В одиннадцать двадцать, – не чувствуя подвоха, ответил Мотя.

– Утра? – непроизвольно вскрикнула я.

– Ну.

– А чего ты развалился тогда? Вставай, иди вещи собирай, – сказала я, спихивая его на пол.

– Ну, мам, – театрально закатив глаза, протянул Мотя, цепляясь за спинку кровати.

– Не мамкай, – смеясь, сказала я, продолжая его сталкивать.

Он ещё пару секунд повисел на дужке, а затем упал спиной на пол, раскинув руки и закрыв глаза.

Я встала, легонько его пнула и повторила:

– Вставай.

Он нехотя поднялся, и следующие пару часов мы занимались уборкой и сборами. Мотя швырял в огромную спортивную сумку всё подряд, потом вытряхивал и пытался разложить заново. А я протирала поверхности, собирала в мешки мусор и всё, что он не планировал с собой забирать.

Закончив, мы замерли и огляделись. Оставалось только сдать постельные принадлежности и вынести мусор: у двери собралась батарея чёрных пластиковых пакетов.

– Может, сегодня выкинем? – предложила я, махнув рукой в сторону мешков. Мои слова эхом разнеслись по комнате, отражаясь от пустых стен.

– Да ну, давай завтра, – отмахнулся Мотя, включая сериал и возвращаясь в кровать.

Я, честно говоря, тоже утомилась, не стала спорить, а устроилась рядом и, кажется, уже начала дремать, когда Мотя неожиданно спросил:

– Почему ты пошла в ветеринарию?

Я вздрогнула, отгоняя сонный морок, и машинально вытерла ладонью слюну, стекающую по подбородку.

– Айболит был любимым персонажем в детстве, – пробормотала я, утыкаясь лбом в его плечо.

– Ну я серьёзно.

– А ты почему? – спросила я, не поднимая головы.

– Я со своими баллами больше бы никуда не прошёл, – ответил он. – А ты же умная.

– То есть ты хочешь сказать, что в ветеринарке учатся одни бездари? – хмыкнув, уточнила я, заглядывая ему в глаза.

– Ну да. А разве нет…

– Нет. Есть ещё те, кто просто любит животных, – ответила я, снова падая спиной на подушку.

– Если ты поступила ради того, чтобы помочь матери, разве не логичнее было идти в медицинский? – не унимался Мотя.

Этот разговор начал меня утомлять, я не хотела больше пускаться в откровения и продолжать эту тему.

– Не логичнее, – огрызнулась я. – Давай спать.

Я резко встала и перебралась на соседнюю кровать. Мотя промолчал, судя по всему, обидевшись на мой резкий тон. Я отвернулась к стене, закрыла глаза и попыталась заставить себя уснуть.

***

Мы втроём сидели за столом: я, мама и дядя Паша.

– Ты уже подумала, куда будешь поступать? – спросил отчим, усердно разламывая вилкой котлету.

Оторвав взгляд от тарелки, я осторожно ответила:

– Я хотела в десятый класс пойти, чтобы потом в университет...

Мама перебила меня, не дав договорить:

– Предлагаешь ещё семь лет тебя на горбу тащить? – в её голосе сквозило раздражение.

Она швырнула ложку на стол, та отскочила и с резким звоном ударилась о тарелку. Я вздрогнула всем телом, а вилка едва не выскользнула из пальцев.

– Никаких университетов! – отрезала мама.

На мгновение за столом воцарилась давящая на психику тишина.

– Выучишься на швею или повара, – невозмутимо прервал паузу отчим. – Хорошие женские профессии.

Я опустила глаза, не выдержав его взгляда, и непроизвольно скукожилась.

– У меня в аттестате почти одни пятёрки, – пробормотала я.

Дядя Паша снисходительно рассмеялся.

– Я же тебе говорил уже – бабе не нужно быть умной.

Почувствовав его влажную ладонь на своём колене, я вздрогнула, задержав дыхание. Кровь ударила в голову, лицо моментально вспыхнуло, я ощущала, как подёргивается веко. Уже давно научилась избегать совместных трапез, допоздна задерживаясь в библиотеке, но по понедельникам там был выходной, и этот день я ненавидела больше всего.

– Паша, передай мне перец, – попросила мама, и ему пришлось убрать руку.

Я на секунду выдохнула и, нервно сглотнув, тихо сказала:

– Тогда я в ветеринарный колледж пойду.

– Не выдумывай. Выучишься на повара или швею, – безапелляционно заявил отчим.

Меня трясло мелкой дрожью.

– Мам, – я с мольбой посмотрела на неё. – Пожалуйста...

– Сделаешь, как Паша сказал, – тоном, не терпящим возражений, сказала она. – Что за мода спорить со старшими!

– Но я хочу быть ветеринарным врачом, – еле слышно прошептала я.

Мама взвилась и влепила мне пощёчину.

– Пошла вон, мерзавка неблагодарная! – рявкнула она. – Мало ли чего ты хочешь! Сидишь тут, умничаешь!

Я вскочила, едва не опрокинув стул, и, не оглядываясь, бросилась к двери, прижимая ладонь к горящей щеке.

– Развела тут интеллигенцию. Мне от твоих пятёрок ни жарко, ни холодно, – кричала она мне в спину. – Айболит недоделанный.

***

Я резко села в кровати, прижимая ладонь к щеке. В ушах всё ещё звенел мамин голос, а сердце сжималось от страха и обиды.

– Ты чего? – испуганно спросил Мотя.

Я обвела комнату взглядом, шумно выдохнула, спустила ноги на пол, едва удерживая голову, которая, казалось, сейчас развалится на части.

– Забей. Просто кошмар приснился.

Он не стал допытываться, видимо, опасаясь нарваться на вчерашнюю грубость. Молча начал сворачивать свой матрас, но я кожей чувствовала, как он бросает на меня тревожные взгляды.

Очевидно, погода испортилась. Берёза за окном качалась от ветра, небо заволокло тучами, а в комнате было зябко.

Я ещё немного посидела, окончательно возвращаясь в реальность, и поплелась умываться. Холодная вода немного привела в чувство, хотя руки всё ещё дрожали, а щека горела, как от настоящей пощёчины. К моменту, когда я вернулась в комнату, Мотя в одиночку справился со всеми спальными принадлежностями.

Я быстро натянула объёмную толстовку чёрного цвета с глубоким капюшоном, пытаясь согреться.

Мы молча позавтракали. Затем сдали коменданту матрасы, подушки и постельное бельё. Я договорилась оставить свои вещи на пару дней, пока не найду новое место локации. Как и ожидалось, мне пошли навстречу, ведь в общаге меня знали как облупленную: официально я прожила тут все шесть лет учёбы, а последний год обитала здесь нелегально, но на это администрация просто закрывала глаза.

Затем мы забрали Мотину сумку, мешки с хламом и отправились на остановку. Путь до неё пролегал через мусорные контейнеры, куда мы и поскидывали ненужное барахло. И уже собирались идти дальше, когда из-за баков, прижимаясь боком к ограждению из металлического профиля, вынырнула собака.

Она двигалась осторожно и на секунду замерла, вглядываясь в нас.

– Найда… – тихо выдохнула я, сама не веря, что это она.

Мотя тихо присвистнул и опустил сумку на асфальт.

– Да ладно…

Уши собаки дрогнули, а хвост, который раньше при виде меня молотил как пропеллер, лишь слабо вильнул разок. Она сделала ещё полшага вперёд, потом снова замерла. В её взгляде смешивались надежда и страх.

Я присела на корточки, раскинув руки. Найда ещё пару секунд колебалась, а потом рванула ко мне и ткнулась в плечо, тяжело дыша, будто бежала за нами полгорода. Я прижала её к себе, чувствуя, как дрожит её тело.

– Ты вернулась, – зашептала я ей в ухо. – Прости.

Она тяжело, почти по-человечески вздохнула и плотнее прильнула, пытаясь спрятать морду у меня под мышкой. Через минуту я отстранилась, поднялась и, наклонившись, внимательно её осмотрела.

Найда была внушительно крупной собакой, с тёмной спиной и рыжим подпалом – наверное, один из её предков был немецкой овчаркой. Но дворянское происхождение в ней выдавала простоватая, слишком вытянутая морда и смешные висячие уши.

За правым ухом, на выбритом участке кожи, зияла воспалённая рана на месте шва после недавней операции. Нитки торчали наружу, а вокруг всё распухло и сочилось сукровицей.

– Обработать бы надо, – подал голос Мотя.

Я так погрузилась в момент встречи с Найдой, что выпала из реальности и уже забыла про всё на свете.

– Ты же так на поезд опоздаешь! – всполошилась я.

Мотя мялся, было видно, что он не знает, как поступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.